

— Лэ-гэр, Цин-цзээр, доброе дело входит в дом!

Услышав голос, все трое поспешно вышли встречать гостей. За дверью стояли Сюй Гуань и тётка Цзи.

Тётка Цзи была одета в тёмно-красное платье и размахивала платочком - настоящий, стопроцентный облик свахи. Едва увидев Цинь Сань-нян, она тут же схватила её за руку: сначала расхвалила внешность Чжоу Сяолэ, потом - нрав Чжоу Сяолэ, а напоследок, заметив в руках Чжоу Сяолэ чай, ещё и похвалила его послушность.

Чжоу Сяолэ слушал, обливаясь внутренним потом, и пальцы на ногах у него сами собой поджимались от неловкости. Сюй Гуань стоял рядом: ему хотелось рассмеяться, но он не смел. Рот у свахи и правда был слишком ловким.

Тётка Цзи отпила воды и с сияющей улыбкой сказала:

— Вчера гадатель уже сверил восемь иероглифов судьбы. Угадайте-ка, что вышло?

Она оглядела лица собравшихся и нарочно выдержала паузу. Цинь Сань-нян не выдержала, толкнула её в руку и с улыбкой сказала:

— Ах ты, скажешь половину фразы - и чашка риса пропадёт! Что ещё за тайны? Скорее говори!

Улыбка тётки Цзи стала ещё шире. Она взмахнула платочком и с расстановкой произнесла:

— Пара! Созданная! На! Небесах!

У Чжоу Цинцин сразу стало легко на сердце, и она тут же спросила:

— Правда? Гадатель и правда так сказал?

— Разве может быть ложь? Этот гадатель у нас самый сильный в округе! Как он сказал? «В прежней жизни путь был тяжёл, но сердце не сломилось; этот счастливый союз - судьба, дарованная небом».

Цинь Сань-нян сказала:

— Хоть в начале этот брак и был немного нелепым, но вышло как вышло, а оказалось - пара, созданная на небесах. Значит, между вами двоими есть судьба!

Не говоря уже о том, была ли между ними судьба на самом деле, но первая строка

предсказания невольно заставила Чжоу Сяолэ задуматься: неужели этот гадатель и правда что-то умеет?

То ли речь шла о судьбе, заслуженной ещё в прошлой жизни, то ли о том, что его прежняя жизнь и правда была слишком тяжёлой, оборвалась слишком рано, он даже влюбиться толком не успел - и вот теперь Небо даровало ему добрый брак? Неужели этот гадатель вычислил, что он одинокая душа из иного мира?

Тётка Цзи сказала:

— Раз это пара, созданная на небесах, то и брачный выкуп не должен быть малым! — договорив, она подала Сюй Гуаню знак глазами.

В руках у Сюй Гуаня была коробка. Теперь он открыл её и подвинул к собравшимся. Внутри лежали два целых крупных серебряных слитка и несколько кусочков мелкого серебра - в сумме оказалось целых двадцать восемь лян!

Чжоу Сяолэ замер, а потом почти рефлекторно оттолкнул коробку обратно.

— Это слишком много. В деревне брачный выкуп самое большее восемь лян, двадцать восемь - это чересчур!

Сюй Гуань не ожидал отказа и на миг не понял, как реагировать.

Тётка Цзи сказала:

— Дарованный Небом добрый союз - сколько ни дай, много не будет. Это искреннее намерение Сюй Гуаня, Лэ-гэр, скорее прими и сохрани как следует! Брачный выкуп нельзя возвращать! Вернёшь деньги - всё равно что вернёшь брак, это дурная примета!

Услышав о дурной примете, Цинь Сань-нян очень решительно закрыла коробку и подвинула её к Чжоу Сяолэ.

— Двадцать восемь лян выкупа - это намерение Сюй Гуаня. А как использовать эти деньги, решает супруг, который будет вести дом. Лэ-гэр, спокойно принимай.

После свадьбы брать ли эти деньги с собой в дом мужа, должен был решать сам Чжоу Сяолэ, но сейчас из двадцати восьми лян нельзя было вернуть ни одного.

Чжоу Сяолэ посмотрел на Чжоу Цинцин. Чжоу Цинцин слегка кивнула, и Чжоу Сяолэ оставалось только принять эти деньги.

— А день? Какой день выбрали? — спросила Чжоу Цинцин.

Тётка Цзи достала из-за пазухи лист красной бумаги. Будучи свахой, она знала немного иероглифов; раскрыв лист, она указала на несколько чисел и сказала:

— Гадатель сказал, что в этом году хороших дней немного. Он высчитал три: один - пятый день следующего месяца, один - через три месяца, и ещё один - перед Новым годом.

Чжоу Цинцин взяла красную бумагу. Первой строкой на ней как раз было то предсказание, о котором только что говорила тётка Цзи; ниже шли восемь иероглифов рождения обеих сторон и три высчитанные даты.

Чжоу Цинцин сказала:

— День через три месяца неплохой, будет больше времени подготовиться. Сяолэ, Сюй Гуань, как вы считаете?□□□

Сюй Гуань сказал:

— Хорошо.

Чжоу Сяолэ подумал, что староста вряд ли позволит им тянуть целых три месяца до свадьбы: чем дольше тянуть, тем больше может случиться перемен. Сам Чжоу Сяолэ тоже хотел поскорее всё устроить и покончить с этим делом.

Он сказал:

— Тогда пятый день следующего месяца. Времени на самом деле достаточно. Лучше провести всё пораньше, а потом ещё нужно будет торопиться с уборкой риса, дел много, боюсь, не успеем управиться. Сюй Гуань, как считаешь?

— Всё хорошо, — сказал Сюй Гуань.

Чжоу Сяолэ посмотрел на него с немим вопросом в глазах. Сюй Гуань явно на миг растерялся, а потом сказал:

— Мне всё подходит. Делай так, как ты считаешь нужным.

Чжоу Сяолэ чуть приподнял бровь. В душе у него появилось сомнение: человек может быть сговорчивым, но разве до такой степени, чтобы шаг в шаг следовать чужой воле? У него и раньше было ощущение, что у Сюй Гуаня будто нет собственных мыслей. Или есть, но он по

какой-то причине их не высказывает. Если решение можно отдать другим, Сюй Гуань не вмешивался, словно марионетка на нитях: скажут идти на восток - он ни за что не пойдёт на запад. И тогда, когда его принуждали к браку, и теперь.

Чжоу Сяолэ немного подумал и осторожно сказал:

— А я хочу знать, что думаешь ты.

Сюй Гуань явно не ожидал, что Чжоу Сяолэ так скажет. Он вдруг занервничал, будто все вокруг смотрели на него и ждали, что он примет решение; стоило ему сказать - и сделают именно так. В сердце Сюй Гуаня возникло странное чувство, но он не мог понять, что это. Он подавил это ощущение и тихо сказал:

— Я... я тоже думаю, что пятый день следующего месяца хорош.

Чжоу Сяолэ спросил:

— Почему? Потому что я сказал - пятый день следующего месяца?

Сюй Гуань поспешно замахал руками и торопливо сказал:

— Нет-нет... Просто через три месяца свиньи, которых я выращиваю, уже должны пойти на продажу. Тогда будет много дел, может, ещё придётся съездить в окружной город... Поэтому... поэтому пятый день следующего месяца лучше.

Чжоу Сяолэ улыбнулся:

— Хорошо, послушаем тебя.

□□\*

Утром моросил мелкий дождь, и куда ни глянь - всё тонуло в туманной дымке. Сюй Гуань стоял во дворе и обрабатывал связку кулачных приёмов, потом вскипятил немного воды, размочил лепёшку и кое-как поел.

Сегодня нужно было ехать в городок и докупить всё для свадебных даров; наверняка это займёт немало времени. Доев лепёшку, он пошёл на задний двор, в конюшню, вывел старого товарища Лао Хоцзи и привычно запряг его в тележку.

Каждый раз, когда его запрягали в тележку, Лао Хоцзи непременно немного упрямылся. Сюй Гуань взял горсть травы, покормил его, потом несколько раз погладил, успокаивая. Лао Хоцзи

тоже признал действительность, топнул копытом, и Сюй Гуань понял: согласился.

Ведя лошадь, он медленно пошёл к въезду в деревню. Дом Сюй Гуаня находился довольно далеко от деревенского входа, а жители деревни вставали рано, так что по дороге ему встретилось немало людей.

По пути знакомая тётушка вышла вылить воду. Увидев, что Сюй Гуань ведёт лошадь, она поздоровалась:

— Сюй Гуань, в город едешь?

— Да, купить кое-что надо, — сказал Сюй Гуань.

— А лошадь-то какая бодрая.

— Ещё бы не бодрая? Во всей нашей деревне одна такая! Когда бы и нашей семье купить такую? — тётушка, подметавшая рядом, опёрлась на метлу и с завистью вступила в разговор.

Тётушка, выливавшая воду, рассмеялась:

— Ох, размечталась. Да что там лошадь - если купишь домой телёнка, уже можно будет сказать, что над родовой могилой счастливый дым поднялся!

— Тогда в этом году на праздник Двойной девятки надо хорошенько поклониться предкам. Глядишь, родовая могила увидит мою почтительность и правда даст счастливый дым, ха-ха-ха...

Сюй Гуань стоял рядом, улыбался и молчал. Только когда тётушки заговорили о другом, он, весь вспотев, наконец продолжил путь к деревенскому входу. Выведя лошадь за деревню, Сюй Гуань вскочил на тележку, небрежно щёлкнул кнутом, и Лао Хоцзи неторопливо двинулся вперёд.

Добравшись до городка, Сюй Гуань сразу направился на запад. Сделав несколько поворотов, он вошёл в глубь одного переулка и остановился перед лавкой. Лавка ещё не открылась, но винный аромат чувствовался уже у входа в переулок, а теперь, перед самой дверью, стал особенно густым и манящим, так что невольно текли слюнки.

Сюй Гуань ритмично постучал в дверь три раза. Вскоре вышел молодой человек; подняв глаза и увидев Сюй Гуаня, он не смог скрыть удивления.

Чжао Шан сложил руки в приветствии:

— Почему господин Сюй пришёл в такое время? Прошу, входите.

Сюй Гуань махнул рукой и сказал:

— Не нужно, не нужно. Я пришёл только сообщить тебе: пятого числа следующего месяца я женюсь.

Новость была внезапной, и Чжао Шан удивлённо спросил:

— Раньше никаких вестей не было, почему вдруг свадьба? Господин Сюй решил окончательно осесть здесь?

— Нельзя сказать, что вдруг. Ты ведь знаешь, что я поселился в деревне Цяньлю. Со свадьбой вышло немного запутанно, в двух-трёх словах не объяснишь. Сегодня мне нужно готовить свадебные дары, времени мало, потом будет случай - расскажу тебе.

Сюй Гуань подумал и добавил:

— Да, я решил остаться здесь. Передай это своему хозяину, пусть и он будет спокойнее.

На лице Чжао Шана появилась беспомощность.

— Даже если господин Сюй ничего не скажет хозяину, хозяин всё равно вам верит.

Сюй Гуань не хотел задерживаться на этой теме. Он посмотрел на небо: если не уйти сейчас, станет поздно. Тогда он повернулся к Чжао Шану и сказал:

— Я пойду. Просто передай мои слова, отвечать мне потом не нужно.

Чжао Шан снова сложил руки:

— Хорошо. Господин Сюй, счастливого пути.

Когда Сюй Гуань вышел из переулка, на его тележке уже стояли четыре кувшина вина. Вино было ценным, как раз подходило для свадебных даров.

Какие именно вещи нужно готовить для свадебных даров, Сюй Гуань прежде толком не знал. К счастью, сваха Цзи, видя, что у него нет старших, немного подсказала ему и составила два списка: один - более дорогой, другой - попроще. Но какой бы он ни выбрал, обрядовые приличия в обоих были соблюдены достаточно внимательно.

Сюй Гуань посмотрел оба списка и без колебаний выбрал дорогой. С деньгами сейчас было не слишком туго, на богатые свадебные дары хватало. Он и сам не мог ясно сказать, что у него на душе, но первая мысль была такой: если уж посылать брачные дары Чжоу Сяолэ, они и должны быть дорогими. Пусть это будет благодарностью за тот день, когда Чжоу Сяолэ всерьёз выслушал его мнение.

Чжоу Сяолэ был гэрмом, а значит, мог носить серебряные украшения, только без чересчур броских узоров. Сюй Гуань дважды обошёл ювелирную лавку и выбрал шпильку. Она была мужского фасона: сама шпилька изгибалась переплетающейся линией, а к концу переходила в завиток волны.

Они познакомились из-за воды, и эта шпилька казалась очень подходящей.

— Господин, не желаете взглянуть на цветочные шпильки? Гэру украсить волосы цветком - это очень изящно! — продавец радушно взял лежавшую рядом шпильку с цветком.

Сюй Гуань представил, как Чжоу Сяолэ носит такую цветочную шпильку, и почему-то почувствовал несоответствие. Внешность у Чжоу Сяолэ была ясная и мужественная; простая шпилька подходила ему, а цветочная казалась слишком вычурной.

Сюй Гуань покачал головой и отказался. В этот момент краем глаза он заметил лежавшие сбоку деревянные шпильки. Резьба была тонкой и красивой; пусть не высшего сорта, но для такого маленького городка фасон уже считался неплохим. Сюй Гуань потер подушечку пальца, и у него вдруг появилась мысль. Он взял одну из деревянных шпилек и спросил:

— Есть ли у вас ещё не вырезанная древесина? Такая же, как эта?

— Есть, есть. Несколько дней назад как раз привезли новое дерево, мастер ещё не успел заняться резьбой. Господин, подождите немного, я сейчас принесу.

Сказав это, хозяин ушёл во внутреннюю комнату.

Сюй Гуань ждал недолго. Продавец вернулся и передал ему завёрнутый кусок дерева. Сюй Гуань внимательно осмотрел рисунок древесины, остался доволен и заплатил вместе с той шпилькой, которую выбрал раньше.